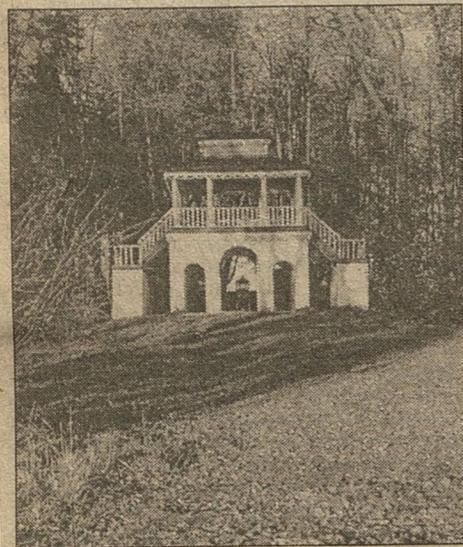

ок. 10.98.

НАР

Беседка в Петровском.

Константин Пушилов

ПОНЯТЬ что-либо из хлестких газетных заголовков трудно. «Прибыльный Пушкин». «Синдром бульдозера в Тригорском». «Кто попарится в пушкинской бане?» Фабула конфликта в том, что значительная часть музейного коллектива категорически не принимает того, что делают директор заповедника (с 1994 года) Георгий Василевич и его единомышленники. Писано-переписано об этом много (см. в том числе письмо сотрудников музея в «НГ» от 06.06.1998 г.). Можно тщательно разобрать конкретную публикацию или «сигнал», да только похоже, что это не приблизит нас ни к истине, ни к пониманию. Суть происходящего — очень может быть — не в личности директора или его оппонентов. Обвинения в адрес Василевича сводятся к тому, что концепции его и планы суть отступление от заветов легендарного пушкингорского

«В ЗАПОВЕДНИКЕ ЗРЕЛО МНЕНИЕ...»

Пушкиногорье больше не может быть островом

Неправильная ссылка, — 1998, — 2 окт. — с. 14

Ехать в Пушкинский заповедник было неловко. С одной стороны, можно побродить по усадебным паркам, посмотреть на Сороть, подумать как следует о Пушкине, постоять у его могилы. С другой стороны, придется спрашивать о конфликте в музее. Не спрашивать — деликатнее, но неправильно: на фоне конфликта заповедник живет. Жизнь получается странная, но она такова. В Пушкинских Горах пишут научные труды и письма в инстанции, принимают паломников и высокие комиссии, проводят экскурсии и судебные процессы, реконструируют парки, постройки и прежние отношения...

патриарха Семена Степановича Гейченко; что начатая в заповеднике реконструкция усадебных парков напрочь лишает их привычного очарования, не говоря уже о старинных деревьях; что новации последних лет нарушают саму музейную ауру и дух Пушкиногорья, который, ужаснувшись проектам люксовых гостиниц и новейших туалетов, скоро со слезами отлетит от сих мест прочь — если, конечно, уже не сделал этого.

Такое вот, как сказал бы поэт, «в заповеднике зрело мнение». Что правда то правда, заповедник меняется, и новая администрация этого не скрывает. Перемены в музее, который по определению своему есть субстанция предельно консервативная, — дело необыкновенно деликатное. Тем более в музее мемориальном, к каковому принадлежит Пушкинский заповедник.

Но если всерьез задуматься, что же такое этот самый Пушкинский заповедник, то приходится признать: работа музейных сотрудников не проверяется здесь обычными критериями. А значит, и ответ на вопрос «кто виноват?» нельзя подсмотреть в учебнике музейного дела.

Музей, как известно, есть хранилище подлинности. Преступление против подлинности, искажение или уничтожение ее и есть нарушение главных музейных заповедей. Но Пушкинский заповедник особенный, потому что подлинное, то есть мемориально-пушкинское, в нем, собственно, — лишь ландшафт и усадебные парки в Михайловском, Тригорском и Петровском. Усадебные постройки

пушкинских времен не сохранились, стоящие на их местах господские дома, флигельки и службы — воссоздания послевоенного времени. Дома в Михайловском и Тригорском построены в последние годы в очередной раз. В Пушкинских Горах невозможно отступить от «подлинного Пушкина», потому что Пушкин здесь рукотворный. Пушкинский заповедник времен расцвета, последнего предреформенного десятилетия, когда здесь бывало по 600 тыс. туристов в год, был не только музеем Пушкина, но и своеобразным палладиумом, знаком отношения общества к Пушкину. Музеем, в котором одним из главных экспонатов был сам заповедник с его героической историей неоднократного возрождения из пепелища.

Музей не может жить без традиции — и он создал ее сам. У Пушкинского заповедника была своя, отдельная от собственно пушкинской, история: крестьянские и немецкие погромы, поэтапное воссоздание усадеб, окрестных церквочек, мельницы. Были своя мифология и свой героический эпос — о легендарном Семене Гейченко. Были свои ритуалы — от грандиозных летних Пушкинских праздников до камерных музейных мероприятий. И славу музея составляли не только сельцо Михайловское, не только экспозиции и экскурсии, но и вся аура многолетнего культурного Дела, которое начиналось с пепелища и пришло к трем обустроенным усадебным домам. И Дело это было не просто обыденной работой, как в любом музее, но — миссией. Содержанием жизни и содержанием музея.

Упаси нас боже заподозрить Гейченко и его сподвижников 1940–1980-х гг. в какой-либо «подмене» музейного содержания. Жизнь была такова, и уникальный Пушкинский заповедник сам был живым культурным феноменом. Не случайно уже в 1995 г. его признали особо ценным объектом культурного наследия РФ.

Но в том-то и штука, что музей, будучи призван хранить нетленными память о прошлом и его вещественные и невещественные остатки, не может не изменяться сам. Потому что принадлежит не истории, а быстротекущему времени. И при Гейченко музей менялся, расширялся, осваивал новые территории, объекты и исторические горизонты. Книжки и служебные записки Семена Степановича полны дальних и ближних планов. Гейченко, насколько можно понять из истории заповедника, не просто следовал некоей традиции — он ее ежедневно создавал. Кто знает, каким был бы Пушкинский заповедник сегодня, если бы судьба отпустила Гейченко еще несколько лет полноценной жизни?

Но этого не случилось. Заповедник возглавил Георгий Василевич — и стал претворять в жизнь свою программу «Пушкин вне юбилеев». В заповеднике началось то, чего при Гейченко не было, например, «благоустройство» Тригорского парка под руководством профессора Валентины Агальцовой. Ныне оно почти закончено, парк утратил «поэтические» заросли и обрел, как уверен директор Василевич, облик, более близкий к облику пушкинских времен. Кого-то такие резкие перемены приводят в ужас, в этом видят разрыв с традицией заповедника. И здесь самый главный вопрос: что есть предмет забот заповедника — пушкинский ландшафт или собственная традиция недавних лет?

Директор Василевич, похоже, выбрал первое и вторым готов жертвовать. За это его и атакуют столь яростно. Составные части его

программы — «музейное строительство», расширение заповедника за счет соседних усадеб, музейный лицей, университет музейного и ландшафтного искусств, создание сети небольших гостиниц, системы «туристического транспорта», небольших кафе и тому подобное. Всего этого при Гейченко не было, да и в каком советском музее это все могло быть?

Пора, однако, познакомиться поближе с Георгием Василевичем. Он из «доброхотов» (пушкингорский термин, означающий добровольных помощников заповедника), экономист по образованию, много лет ездивший в отпуск поработать в музей и наконец переехавший (из Белоруссии) совсем.

Василевич сказал мне весьма знаменательно о бывшем директоре: «Гейченко гениально сыграл роль старого барина, Пушкина, вернувшегося в усадьбу с войны». При таком понимании Дела Василевичу ничего не оставалось, как попытаться сыграть роль наследника — в совершенно иных, рыночных, исторических обстоятельствах. Не скрою, я попытался заговорить с Василевичем на тему «может быть, вам еще труднее, чем Гейченко, во времена-то перемены и урезаний бюджетов?..» Но Василевич — жаль, что его в ту минуту не слышали те, кто говорит о его неуважении к «заветам Гейченко», — эти разговоры пресек в корне. Просто заметив, что Гейченко долго ходил по лезвию ножа и за «возрождение помещичьих усадеб» ему угрожали одно время возвращением в места, гораздо более отдаленные, нежели место псковской ссылки Пушкина.

Василевич не склонен скрывать музейный конфликт. Просто он уверен, что коллектив разбился на две части: тех, кто конфликтует, и тех, кто работает — на его программу, которая рассчитана до 2011 г. Собственно, мне не показалось, что конфликт так уж сильно занимает директора: он к нему привык. Директор думает несколько о другом.

Думает он, например, о музее как о возможном «локомотиве» развития для полунищей округи. Дело здесь не только в туристическом бизнесе, но и в простой нужде в рабочих руках. Ведь пребывание в списке «особо ценных» объектов означает пусть недостаточное, но более или менее постоянное госфинанси-

рование, да еще и пушкинский юбилей на носу. Когда-то музейные комплексы, подобные пушкингорскому, были островами культуры и благополучия среди малоухоженной российской провинции. Ныне музей уже не может быть островом, ему предстоит жить во взаимодействии с окружающим локальным миром — так, как в пушкинские времена жили провинциальные усадьбы.

Поэтому, если внимательно изучить программу Василевича, можно понять — и это тоже может показаться «крамолой»: в Пушкинских Горах теперь осознают свой заповедник и как образовательное учреждение, и как этнографический центр (для чего задуманы соответствующие новые экспозиции в воссоздаваемых усадьбах Воскресенское, Дериглазово, Велье), и просто как цивилизованное место с современным уровнем сервиса и инфраструктурами.

Собственно говоря, спор нынешнего пушкингорского директора с его оппонентами есть спор о жизни музеев в нашем новом времени. Времени, которое, надо признаться, к ним безжалостно: нет прежних бюджетных вливаний, нет прежнего пиетета властей. Каждый выживает в одиночку. Пушкинский заповедник советских времен при всех несомненных достоинствах мог существовать, увы, только в эти самые советские времена. Когда музеи России вновь будут уверены в своем завтрашнем дне — бог весть. Пока же такие блаженные времена не настали, музеям придется думать о «люксовых» гостиницах, этнографических развлечениях для туристов, уютных кафе и теплых туалетах. Нельзя бояться новаций, как черт ладана, — вопрос в такте и чувстве меры.

Что же касается заветов Гейченко, то Георгий Василевич считает главным заветом своего легендарного предшественника постоянное стремление к развитию музея и расширению его горизонтов. И тут спорить с Василевичем невозможно.

И еще одна деталь. В программе Василевича отдельным пунктом значится: «Создание Музея истории Пушкинского заповедника. Программа сохранения памяти С.С. Гейченко».

Пушкинские Горы—Москва

Пушкин А.С. (Музея)